

будут способствовать укреплению нравственности, формированию уважения к истории и культуре современной России.

Литература

1. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О мужественности. Сб. статей. - М.: Издательство, 2002. – 351 с.
2. Здравомыслова Е., Темкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. - М. - 2000. – № 1.
3. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. - СПб.: Питер, 2003. - 544 с.
4. Коростелева Ю.Е. Гендерная стратификация. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. – 22 с.
5. Римашевская Н. М. Женщины в обществе: реалии, проблемы, перспективы / Римашевская Н. М. // Социологические исследования. - 2006. - №1. - С. 13-28.
6. Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований. Личность. Культура. Общество, Т.V. Вып.1-2 (15-16) – М. - 2007. - С. 120-139.
7. Силласте Г.Г. Гендерная социология как частная социологическая теория / Г.Г. Силласте // Социологические исследования. - 2008. - №11. - С. 5-10.

Лашевская А.Д.,
г. Екатеринбург

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В СТАНОВЛЕНИИ НОВОГО ОБРАЗА СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО

Во все времена жизнь человеческая пропитана будущим. Люди всегда мечтали о лежащем за пределами их земной жизни, пытались представить и

спрогнозировать грядущее, изобретали лучшие миры, устремляли воображение за горизонт достижимого, подчинялись будущему, оправдывали им свои деяния, боялись его, стремились к нему, пророчествовали.

Однако это стандартное представление не слишком-то верно. Времена различны. И не только содержание образа будущего, не только способ его моделирования, но и его место и роль в человеческом сознании зависит от конкретного общественного хронолога.

Антропологам хорошо известно явление *аусторизма*, предшествующее историческому сознанию. Относительно примитивные сообщества, на протяжении десятков поколений ведущие однообразную, с немногими и очень постепенными изменениями, жизнь, просто неспособны выработать какой-нибудь футуристический образ, качественно отличный от их повседневной реальности. При этом и их отношению к прошлому свойственна линейная простота, сужающая перспективу: предки отступают на задний план, своим уходом не переламывая актуального бытия; и вся история превращается в смену имён [5, с. 41-42].

История бурная, переменчивая, отмеченная периодами развития или борьбы за выживание, жизнь «на грани», хотя бы и на ранней цивилизационной стадии, вызывает активный процесс мифологизации. В результате, чем более сложные, насыщенные, исторические корни имеет данное общество, тем более развит и изощрен весь комплекс будущностных представлений, включающий в себя, наряду с образами потустороннего мира, образы и понятия телеологические и эйдетические. То есть, хотя земное грядущее еще не мыслится качественно отличным от настоящего, однако в настоящее уже внесены принципы задания – жизни, осмысленно направленной к иным пределам. Совершенно естественно – особенно в ситуации социальной статичности, – что мифологизация принимает именно религиозные формы. В религии же с крайней ясностью выражена триединая концепция *замысла* (миротворение) – *смысла* (предназначение человека) –

вымысла (итог). Религиозное будущее доводит миф до крайности разрыва со всякой реальностью и погружается в область трансценденции.

Таким образом, имманентное ощущение будущего, ближайшего или более отдаленного, практического или идеализированного, но в любом случае – тесно связанного с настоящим, постоянно интригующего наше сознание, будущего как *другого*, но не выброшенного из реальности, а реальность преобразующего, – это ощущение, так ясное нам, родившимся в двадцатом веке, на самом деле вовсе не сопровождает всю эволюцию человека разумного. Оно возникло на заре Нового времени, в период резкого ускорения общественной эволюции. Научные и географические открытия, способствовавшие формационным сдвигам, с одной стороны, и совпавший с ними переход огромного количества накопленных цивилизационных разнообразий в структурное качество, с другой, породили социальную динамику, ввергшую в состояние неустойчивости все слои общества и тем самым буквально озадачившую их проблемой будущего.

Речь не идет об одиночках, утопистах и провидцах. Их роль в становлении реального будущего огромна; но при этом от Платона до Леонардо да Винчи феномен *социального ощущения будущего* (иначе – футурологического ракурса общественного сознания), который нас и интересует, развивался в рамках одного и того же хронотипа.

Новому хронотипу, рожденному Новым временем, суждено было несколько веков интенсивного развития, воплотившего самые фантастические мечты человечества. В сущности, футурология двадцатого века принадлежит тому же типу, только достигшему крайней степени концентрации, того состояния, когда, по выражению А.Ф.Лосева, «времена сокращаются, и остается одно только будущее» [2, с. 109]. В таком состоянии преобразовательный романтизм и вера во всемогущество человека не успевают отстояться в практическом воплощении, не успевают перерасти во что-либо стабильное, корневое; и действительность, посвященная будущему, все сильней и сильней ускоряется... чтобы захлебнуться? Похоже, да.

Ограниченность почти всех ресурсов прогресса, диссонанс между информационно-техническим ускорением и естественными ритмами человеческой жизни, истощенность некоторых фундаментальных надежд, – все это поставило на исходе прошлого века проблему *конца истории*. Ее можно описать как проблему перехода к другому, четвертому типу ощущения будущего.

Уточним, в чем состоит «законченность» третьего, исторически родного нам, психологически *единственного* типа.

Его методологической спецификой является *вера в миражи*. Мираж – и не фантом, то есть сугубая выдумка, бред сознания, и не ясно видимая, последовательно достижимая цель. Суть миража: искривляющий перенос далекой, но действительно достижимой, реально существующей и объективной цели – в повседневную интеллектуальную практику, в неизбежную заботу души, в жизненный стимул. Ныне многие задачи просто не успевают превратиться в миражи, так короток оказывается путь от фантастической постановки до прикладного воплощения. С другой стороны, наряду с явлениями объективными, к которым естественно и необходимо тянется жизнь, исполненное бифуркаций и непредсказуемого бытие третьего тысячелетия выдвигает в качестве цели-мечты вещи субъективные и эксклюзивные, возникновение которых зависит от случайностей, а исходит именно из глубин сознания, из индивидуальных человеческих усилий. Тем самым образуется разрыв между социальным ощущением будущего и его личностным дифференцированием.

Структурная специфика уходящего типа определяется расслоением футурологии на два гигантских пласта – социальный и технологический. В социальной области практически все идеи, составлявшие вековую мечту человечества о справедливом и счастливом устройстве жизни, были проверены на практике, и выводы, в аспекте этих мечтаний, вряд ли можно признать утешительными и тем более обнадеживающими:

1) существует лишь небольшое число устойчивых линий социально-экономического развития, к тому же обнаруживающих тенденцию к дальнейшему сращиванию;

2) их совокупным, «глобализированным» итогом является *общество потребления*, устроенное в резком, может быть, никогда ранее так не выражавшемся противоречии с высшей, духовной сущностью человека;

3) экономическое фиаско идеи «освобождения труда»: изменение структуры потребления приводит к тому, что удовлетворение даже базовых человеческих потребностей требует все более интенсивных усилий, и на планете превалирует рутинный, однообразный, механический труд;

4) ее же культурное фиаско: лозунг «хлеба и зрелищ» остается главенствующим для большинства человечества, стабильность которого опирается на константу культурного неравенства (причем для самых разных цивилизационных уровней и сообществ).

В отличие от социальной, в технологической области, как ни колоссальны произошедшие в эпоху НТР изменения, – они только расширяют поле ожиданий. Каждое новое открытие, изобретение, внедрение влечет за собою серию новых вопросов и новых ответов, отворяет прежде смутно предполагавшиеся возможности науки и поддерживает экспоненциальность технического прогресса. Однако этому сопутствует ощущение качественной, преобразовательной исчерпанности. Если проанализировать научные прогнозы на двадцать первый век, то мы увидим, что наибольшие практические достижения ожидаются в сфере медицины (вообще – биологии человека) и в сфере коммуникаций. Этому должны способствовать технологические инновации, обещающие через несколько десятков лет появление и распространение принципиально новых материалов. Однако сами по себе технологические прорывы не вызывают массового воодушевления; вопрос в том, куда они направлены, к чему применимы и применены. И тут-то, исходя из этих прогнозов, возникает парадоксальный образ человечества, изнуряющего себя заботами о

собственном здоровье, устройством все большего комфорта и игрушечными страстями...

Отсюда – переход в содержательной специфике нового видения будущего. Ранее представления о будущем обязательно были связаны с качественными изменениями, с образом *другой* жизни, с каким-то фазовым переходом именно в человеческом самоощущении, – и так это и совершалось. Теперь речь идет об изменениях внутренних, о совершенствовании от модели к модели (так что и человеческая память укладывается в такой модельный ряд), об «улучшениях», которым нет предела (на чем и основана гонка потребления), но которые зачастую улучшения только в узком техническом смысле. А их побочные эффекты ставят очередные проблемы перед загнанным в колесо совершенствования обществом.

Между тем на смену позитивным преобразовательным тенденциям приходят мрачные прогнозы, вызванные как рядом обострившихся и не имеющих внятного разрешения цивилизационных проблем, так и нарастающей плотностью техногенных и природных катастроф. В массовом сознании абстрактный оптимизм (от веры в великое будущее России до надежд на волшебную палочку управляемого транспортного средства) вытесняется страхом и скептицизмом. Но и страх продуктивен, ибо ставит естественный вопрос о концепциях и способах будущего.

Приведем небольшой пример такого продуктивного отчаяния: «Произошел тектонический сдвиг: прошлое отрезано от настоящего. Будущего, кажется, не будет <...> Человечество действительно не имеет шансов на выживание, если не произойдет прорыв в сознании <...> если человечество не научится рассматривать жизнь как главную ценность, понимая жизнь в широком смысле, включая <...> растительный и животный мир, а свой собственный биологический вид рассматривая, как самый, может быть, высокоорганизованный, но не как вид-потребитель всех остальных. Идея потребления как основа существования, общество потребления как

модель мира нуждаются в пересмотре. На этом пути было совершено чудовищное искажение: человек разумный стал человеком потребляющим, и это поставило всю планету в катастрофическое положение. Я не знаю, какие нужны механизмы, чтобы поддержать этот процесс переосмысления мира, обновления сознания. Но, в любом случае, необходимо оставить старое и приняться за новое <...> заниматься выработкой стратегии выживания. И, с этой точки зрения, я жду наиболее важных и конструктивных слов <...> от ученых-социологов <...> Именно они, в первую очередь, замечают изменения ситуации и фиксируют их. От них <...> следует ожидать новых идей» [4].

Подобные настроения распространяются в массах; подобными высказываниями пестрит публицистика. Мы выбрали именно это не только из-за неожиданного реверанса в сторону социологии, но и из-за типически выраженного сочетания: понимания болевых точек современности – с их абсолютизацией, апелляции к изменениям массового сознания – с фактической констатацией их нереальности, критического мышления – с наивным сциентизмом.

Но что действительно может и что должна предпринять в этой ситуации социология? Видимо, начальная задача, исходя из вышеизложенного, – признание свершившегося перехода и вступления в силу принципиально нового, четвертого типа того явления, что мы назвали социальным ощущением будущего, с последующим подробным описанием этого типа. Необходимо перевести разговор из сферы эмоциональной публицистики – к твердым научным основаниям. Однако здесь-то наука сталкивается с существенными проблемами.

В самом деле, что это такое – ощущение будущего, в какой конкретике, могущей стать предметом строгого анализа, оно выражается? Социология обладает достаточным инструментарием, чтобы анализировать массовые представления о ближайшем, в пределах одного поколения, будущем. Это обеспечивается, во-первых, значительной сознательностью таких

представлений, а, во-вторых, выраженностью того «вклада в будущее», который непременно присутствует в человеческой жизни. Но, как только мы говорим о социальном будущем, то есть находящемся на пределе лично достижимого (но под порогом воображаемого), оба этих параметра сильно размываются. И деятельность человека в настоящем вроде бы не связана с отдаленным будущим; и сколь угодно массовый и подробный опрос о «через 50 лет» даст лишь сумму вынужденных (ибо лишь единицы *думают* об этом) ответов, не схваченных единым полем реальных представлений-предчувствий.

Между тем, взгляды в российскую историю (хотя бы за те же полтора века), мы убеждаемся в том, что социальное ощущение будущего, именно отдаленного будущего, вправду существует. И тот или иной исторический срез демонстрирует нам различное содержание и различную интенсивность этого ощущения, которое мы воспринимаем и через произведения искусства, и через опыт предков, и через непосредственное изучение исторических материалов. Более того, вся наша история этого периода, в сущности, посвящена «светлому послезавтра», но описания соответствующих конкретному моменту состояний массового сознания упираются в тавтологические «мечты крестьянства» и «энтузиазм масс»...

В чем же заключается искомое ощущение? Во-первых, в коллективном бессознательном, причем плохо вербализуемом, а потому не извлекаемом в прямом вопросе. И, во-вторых, в некоторых подсудных социальных структурах, очевидность проявления которых заслоняет их сложность. Вскрытие этих структур, установление связи между психологическим и социальным аспектами приводит социологию к ее главной (в этой теме) задаче – уяснению *будущего как социальной категории*.

Более глубокая, сквозная постановка того же вопроса: временная рефлексия социального бытия. И тут мы возвращаемся к намеченной в начале статьи теме связи времен. Чтобы оценивать будущее, нужно

учитывать его сложное, многослойное взаимодействие с прошлым и настоящим.

По мнению В. Де Гольжака, представления о будущем диктуют нам образы прошлого [1]. Более скромную формулировку (прошлое определяется потребностями настоящего) Б. Дубин считает социологическим постулатом [3, с. 135]. На самом деле, это только одна проекция, один взгляд на обоюдные, рекуррентные отношения прошлого и будущего. Их краткая диалектика заключается в том, что будущее производит в памяти своего рода естественный отбор образов, смыслов, ценностей, стереотипов, моделей поведения, которые реализуют свое «преимущество» (перед отринутыми, отодвинутыми на задний план образами и т.д.) в формировании этого самого будущего. Мы имеем дело с двумя линиями – направленной назад, к основаниям, и вперед, к реализации, – и пересекаются они в настоящем как точка непрерывного становления их связи.

Так возникает необходимость интегрального рассмотрения настоящего. Именно возможность преобразования в настоящем, возможность рефлексии над обеими линиями, *перспективное* осмысление содержания жизни позволяет не механически следовать «за временем», а вырабатывать влекущий, позитивный образ грядущего. Эти слова применимы не только к личности, но и к обществу. Динамичность общества и его способность в переменах соблюдать баланс между верой в будущее и опорой на прошлое – вот те критерии зависимости образа будущего от сознательной активности в настоящем. Будущее, таким образом, помимо важности самого по себе, выполняет функцию зеркала для настоящего.

Итак, как мы обозначили выше, современное будущее, то, каким оно видится из первого десятилетия третьего тысячелетия, обладает двумя особенностями. Во-первых, принципиальной непредсказуемостью в некоторых аспектах: технологический прорыв, научное открытие, о котором сегодня даже не задумываются, могут очень сильно изменить завтрашний мир относительно любых прогнозов. Во-вторых, на наш взгляд, в недрах

процесса глобализации зреет естественная реакция, способная вызвать дезинтеграцию на определенных уровнях. Мир не столько расколотый и разобщенный, сколько разобособленный, разделенный на культурные – и, может быть, не только культурные – анклавов, – вот наше личное предчувствие, без которого нельзя оставить эти теоретические размышления.

Исходя из обеих особенностей, представляется, что нет единого будущего. То есть в той степени и в том смысле, в каком будущее обращено (через его ощущение) к настоящему, оно требует от каждого субъекта настоящего (будь то нация или социальная страта, коллектив или отдельный человек) выработки собственного, своеобразного и сознательного, будущего. Ныне нельзя надеяться на общие принципы и магистральные направления. Только самоценное, индивидуализированное настоящее рождает это удивительное чувство: ощущение далекого будущего как сегодняшней ценности.

Социальное ощущение будущего, применительно к России, в которой остаются актуальными вопросы о национальной идее, идентичности и пр., еще, пожалуй, не складывается из таких дивергентных деталей, но – складывает, порождает их. Поэтому, повторимся, очень важно так относиться к прошлому и настоящему, чтобы в нем открывалось собственное будущее. Чтобы, по вдохновенной метафоре М. Пришвина, «и тоже стать причиной миражей».

Литература

1. Де Гольжак В. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория. М.: Изд-во Инст-та Психотерапии, 2003.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: «Правда», 1990. С. 109.
3. Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума. Москва, 19-20 июня 2008г. / сост. Ф. Бомсдорф, Г. Козлова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, 2009. С. 135.
4. Улицкая Л. Все кончилось. Мы въехали в новую жизнь.// Огонек. №50. <http://www.ogoniok.com/5076/28/>

5. Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. Т.1. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 592 с. С. 41-42.

Лушникова О.Л.,

г. Абакан

СПЕЦИФИКА ЗАКРЫТОГО СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (номер соглашения: 14.В37.21.0511.)

Отличие социального капитала от других видов капитала – его нематериальная природа, заключенная в социальных связях, которые пронизывают все общество на разных уровнях социальной иерархии. Эти связи выступают в качестве ресурсов для достижения каких-либо целей или получения выгоды, независимо от того, кто является его обладателем – индивид, группа или целое сообщество.

Связи, сосредоточенные в пределах группы, образуют групповой социальный капитал. Однако если группа по своему статусу является закрытой (клан, мафия, клуб избранных), ее капитал, по сути, тоже является закрытым. То есть все связи, которые могут выступать в качестве эффективных ресурсов, доступны только членам этой группы. Очень точно сущность закрытого социального капитала раскрывается в определении социального капитала на уровне группы, которое предлагает В.А. Сажина. Она рассматривает социальный капитал как способность группы к повышению эффективности взаимодействий и коллективной деятельности на основе использования *внутренних* нематериальных ресурсов [1, С. 25]. Так формируется социальный капитал группы, который по своему характеру является закрытым. Однако если в обществе высока доля замкнутых групп,